

Поющее дерево

Леонид Яхнин

Леонид Яхнин
Поющее дерево

Сказки нло

Леонид Яхнин Поющее дерево

В новой книге известного писателя и переводчика Леонида Яхнина, автора стихов, сказок и пьес для детей, читателя ждут веселые приключения необычных сказочных героев в стране Отражений. Он познакомится с симпатичным Бегемотом, появляющимся в самую трудную минуту, с человечком Соломенные ножки и рассказчиком, которому кем только ни довелось быть, даже телеграфным столбом... В поисках таинственного Поющего дерева герои, а вместе с ними и читатели, найдут новых друзей, откроют много неизвестного и неожиданного. Сказка для детей младшего и среднего возраста.

ISBN 5-86793-254-0

Новое Литературное Обозрение

Леонид Яхнин

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Сказка

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА 2003

ББК 84(2Рос=Рус)6-442
УДК 821.161.1-34-053.2
Я 90

Художник *А. Мартынов*

Яхнин Л.

Я 90 Поющее дерево. Сказка. — М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 160 с., ил.

В новой книге известного писателя и переводчика Леонида Яхнина, автора стихов, сказок и пьес для детей, читателя ждут веселые приключения необычных сказочных героев в Стране Отражений. Он познакомится с симпатичным Бегемотом, появляющимся в самую трудную минуту, с человечком Соломенные ножки и рассказчиком, которому кем только ни довелось быть, даже телеграфным столбом... В поисках таинственного Поющего дерева герои, а вместе с ними и читатели, найдут новых друзей, откроют много неизвестного и неожиданного. Сказка для детей младшего и среднего возраста.

ББК 84(2Рос=Рус)6-442
УДК 821.161.1-34-053.2

ISBN 5-86793-254-0

© Л. Яхнин, 2003
© А. Мартынов, иллюстрации, 2003
© Новое литературное обозрение, 2003

глава первая,

которая приводит
нас сразу в середину сказки
и которая называется

«БЕСПРИЗОРНЫЙ БЕГЕМОТ»

Я живу долго. Кем я только не был за эту свою долгую жизнь! Однажды мне даже пришлось быть телеграфным столбом. Не подумайте, что это скучно. Стоишь где-нибудь в поле или у дороги, а над тобой кувьркаются облака, мимо проносятся машины, зимой валит снег, осенью идет дождик, летом поют птицы, весной гремят ручьи. А по проводам несутся голоса. Смеются. Плачут. Беседуют. Кто-то толкует об умных вещах, кто-то болтает глупости. Кто-то жалуется на болезни, а кто-то хвастается удачей. И все ты слышишь, на все откликаешься, гудишь тихо-тихо, будто песенку напеваешь.

Как-то мне очень повезло. Мимо шла девочка. Она устала и прислонилась к столбу. Постояла, передохнула. О себе немного рассказала. Ее звали Лисичка. Такое забавное имя.

Помахала мне Лисичка рукой и дальше пошла. Дорога у нее долгая. Разное еще ей на пути встретится. И, может быть, когда-нибудь вспомнит о простом телеграфном столбе, к которому прислонилась плечом, чтобы на мгновение передохнуть.

Вы скажете: не бывает так. Человек — и вдруг телеграфный столб. Бывает. Главное, чтобы ты был нужен кому-то. А кем ты в это время будешь, совершенно неважно. Вот я вам расскажу про одного моего знакомого. Это бегемот. Беспризорный бегемот.

Познакомились мы с ним во время одного моего путешествия. Я разыскивал человечка Соломенные ножки. Кто он такой?

Потерпите немного. Расскажу. А пока я шел по дороге один и думал: вот, мол, иду я один, и никого рядом со мной нет. И только я так подумал, как кто-то прогудел у меня за спиной, будто в трубу:

— Ничего подобного. Нас двое.

Оглянулся я и никого не увидел.

— Кто это? — воскликнул я.

— Я! — густо пробасил кто-то, словно гукнул в пустую бочку.

И вдруг воздух передо мной стал сгущаться. Сначала появилось голубоватое марево, словно над костром. Потом оно затуманилось. Вот уж туманное пятно собралось в серое облачко. Облачко заструилось, опало складками. Эти складки наподобие серого ворсистого одеяла окутали кого-то большого, громоздкого. И появился бегемот! Самый настоящий бегемот, начиная от нелепой головы, похожей на контрабас в футляре, и кончая задорным поросычьим хвостиком.

— Откуда ты взялся? — удивился я. — Из зоопарка?

— Нет! — промычал бегемот.

— Значит, прямо из Африки?

— Нет! — буркнул бегемот.

— Из цирка! — догадался я.

— Нет. Я беспризорный бегемот, — прогудел бегемот. — Я как дворняжка, которая никому не нужна. Люди любят кошек и белок, всякую мелочь вроде канареек и попугаев, обожают пуделей, похожих на шерстяные шапочки с помпоном, заводят щекастых хомяков, раз-

водят расписных рыбок величиной с мизинец. А кому, скажите, нужен громадный бегемот с треугольными ушами и головой, похожей на диванную подушку, обтянутую пупырчатым одеялом?

— Неправда! — закричал я. — Мне нужен бегемот. Я с детства мечтал о бегемоте. Это мой самый любимый зверь. Я и сейчас, кажется, вспомнил именно о бегемоте, когда подумал, что иду совсем один.

— Вот поэтому я и здесь, — спокойно пробасил бегемот. — Я могу быть только с тем, кому нужен и кто обо мне помнит. Хотя, — и бегемот попытался грустно улыбнуться, но у него получилось это очень неуклюже, — хотя до сих пор не могу понять, как это можно мечтать о существе, у которого голова вроде огромной кривой тыквы?

— А как тебя зовут? — спросил я осторожно.

— Как могут звать бегемота с головой, похожей на туго набитый рогожный мешок? Так и зовут — Бегемот.

Кстати, вы могли бы усесться мне на спину. Если уж моя голова вроде диванной подушки, то спина как-нибудь сойдет за диван.

— А тебе не будет тяжело?

— Когда знаешь, что кому-то нужен и приятен, то становится очень легко, — весело прогудел Бегемот.

Я вскарабкался к нему на спину. Поверьте, это очень удобная спина.

Серая асфальтовая дорога в неровных лунках и трещинах напоминала лунную карту. Бегемот протяжно шаркал жесткими подушками ног. Меня чуть-чуть покачивало, как в купе ночного поезда, и я уснул.

глава вторая,

в которой мы возвращаемся
к началу сказки
и которая называется

«ЧЕЛОВЕЧЕК СОЛОМЕННЫЕ НОЖКИ»

Сказки просто так не придумываются. Они случаются. Случаются с нами, с нашими знакомыми или совсем незнакомыми людьми. В тот вечер я как раз сидел за своим письменным столом и пытался во всех подробностях вспомнить сказку, которая случилась в моей жизни накануне.

Я задумчиво водил карандашом по чистому листу бумаги и поглядывал в ночное окно. Там, над улицей, мерцающим кубиком парило отражение моей комнаты. Получалось, что комната как бы раздвоилась, разделилась на две. Одна здесь — в ней за столом сижу я. Другая — там, за окном, и в ней тоже сижу я, отраженный за отраженным письменным столом.

И вот в той, отраженной комнате я увидел, что на листке чистой бумаги под моей задумчивой рукой появляется какой-то рисунок. Круглая макушка Земли. Из самой середины растет высокое тонкое дерево с тремя листьями на верхушке. А под деревом стоит человечек на тонких, в одну карандашную линию, будто соломенных ножках. Человечек Соломенные ножки. В одной руке он держит скрипку, похожую на грушу, а в другой — палочку-смычок не больше стрекозиной лапки.

Я перевел глаза с того отраженного рисунка на лист бумаги, что был у меня под рукой, и стал удивленно разглядывать, что у меня получилось. И вдруг в раскрытую форточку впорхнул сквозняк. Он сдернул со стола лист бумаги с рисунком и завертел его по комнате. Я вскочил из-за стола, опрокинул стул, замахал руками, будто и сам хочу полететь, и сшиб на пол порхающий лис-

ток. Потом нагнулся, поднял его, положил на стол и... И увидел, что листок совершенно пуст! Будто я ничего и не рисовал на нем всего минуту назад. Что такое?

— Прощайте-мне-некогда, — послышалась откуда-то из форточки тонкая хриплая скороговорка, будто проскрипела несмазанная форточная петля.

Я взглянул на отражение комнаты. Там опять сидел за столом я и недоуменно вертел в руках листок бумаги. Но на ТОМ, отраженном листке ясно отпечатался человечек Соломенные ножки!

А на моем листке — вот этом, который у меня в руках, — пусто!

Человечек Соломенные ножки весело помахал мне ОТТУДА своей похожей на грушу скрипкой и по линованному листку бумаги, словно по лесенке, стал спускаться куда-то вниз, за кромку светящегося отражения, в темноту улицы.

— Постой! Ты куда? — закричал я.

— Иду-искать-поющее-дерево! — затараторил он в ответ.

— Какое такое поющее дерево? Что еще за выдумки? — воскликнул я. — Где ты видел поющие деревья?

— Поющего-дерева-никто-не-видел. Никто-не-видел-и-никто-не-нашел. Пока. Оно-растет-неизвестно-где-и-

похоже-с-виду-на-обыкновенное. Его-надо-найти-и-сделать-из-него-скрипку. И-эта-скрипка-из-поющего-дерева-по-настоящему-умеет-петь, — выпалил человек Соломенные ножки и исчез в темноте по ту сторону окна.

«Сплю я, что ли?» — подумал я и хотел уже ущипнуть себя за щеку, как в дверь ко мне постучался сосед Иван Иванович.

— Простите, — сказал Иван Иванович, — не найдется ли у вас горстки сырных корок?

— Чего? — ошалело прошептал я. — Может быть, и вы мне снитесь, Иван Иванович?

— Я вас разбудил? Простите еще раз, — деликатно сказал Иван Иванович, — но мне очень нужно немного сырных корок, а проще — корок от сыра. Я вам сейчас все объясню.

глава третья,

в которой мы знакомимся
с историей Ивана Иваныча
и которая называется

«МЫШЬ И КУЗНЕЧИК»

Надо вам сначала сказать, кто такой мой сосед Иван Иванович. Он учитель ботаники. Добрый, как все добрые учителя, и застенчивый, какими бывают иногда учителя ботаники.

А в это утро с ним приключилась такая история. Как всегда, в половине восьмого утра Иван Иванович надел свое черное строгое пальто и отправился на урок. Выйдя на улицу, он сунул руку в карман за перчатками, но оттуда вдруг выскочил Кузнечик.

— Что вы делаете? — заверещал он. — Вы меня чуть не раздавили!

— Откуда ты попал в мой правый карман? — удивился Иван Иванович.

— Из левого. Там у вас живет Мышь, и от нее просто нет покоя!

— А что же делает Мышь в моем левом кармане?

— Грызет хлебные крошки, которые вы забыли вытряхнуть на прошлой неделе.

Иван Иванович осторожно пошарил в левом кармане. Оттуда высунулась уса-тая мышинная мордочка.

— Послушайте! — возмущенно пропищала Мышь. — Если вы приглашаете к себе на обед, то имейте терпение, пока гости наедятся!

На улице шел дождь. Иван Иванович раскрыл зонт и стал похож на пиратский корабль под черным парусом. Но это только издали. Вблизи сразу было видно его доброе лицо и растерянные глаза за толстыми стеклами очков. Он старательно обходил серые пузырящиеся лужи. Дождь громко барабанил по ребристому зонту.

Из ближайшего подъезда выглянула кошка и облизнулась розовым язычком. Мышь сразу перестала копошиться и хрустеть хлебными крошками.

— Брысь, кошка! — сердито сказал Иван Иванович.

Кошка вздрогнула от упавшей на голову капли и скрылась в подъезде.

— Не волнуйтесь, — сказал Иван Иваныч левому карману, — я прогнал ее.

И Мышь снова весело захруптела в левом кармане пальто, слегка толкая своими быстрыми лапками Ивана Иваныча в бок. А он завернул в магазин. На прилавке лежали желтые круги и красные шары сыра.

— Взвесьте мне, пожалуйста, полкило сырных корок, — попросил он.

Полусонная продавщица тут же проснулась и вытаращила на Ивана Иваныча глаза.

— Че-го? — переспросила она.

— Сырных корок или корок от сыра, это все равно, — терпеливо, по-учительски объяснил Иван Иваныч. — Ведь я могу купить полкило сырных корок, если сыр есть в продаже?

Продавщица, опасливо поглядывая на него, быстро сгребла с прилавка засохшие корочки от сыра и протянула ему пакет.

«Вот чудак!» — подумала она и пожала плечами.

Откуда ей было знать, что у него в левом кармане пальто живет Мышь.

Дождь кончился. Лужи стали голубыми. В них плавали горелые спички и клочки белых облаков. Иван Иванович свернул в Парк. Он подошел к цветочной клумбе и сорвал одну травинку. И тут же перед ним вырос сторож со свистком-улиткой во рту.

— Извините, — сказал Иван Иванович, — но я сорвал только одну травинку.

— Штраф! — рявкнул сторож.

Иван Иванович молча заплатил штраф, сунул травинку в правый карман и зашагал из Парка.

— Чудак! — пробормотал сторож.

Он ведь не знал, что у Ивана Ивановича в правом кармане живет Кузнечик.

глава четвертая,

в которой я оказался
непонятно где и которая
называется

«ОТРАЖЕНИЯ»

Вот какую историю, происшедшую с ним, рассказал мне мой сосед Иван Иванович, слывающий большим чудачком. Я ему в свою очередь тут же рассказал про человечка Соломенные ножки.

— Так что же мы сидим и теряем время? — всполошился Иван Иванович. — Надо срочно идти за ним! Он же заблудится, затеряется, пропадет!

— Прямо сейчас? — спросил я и подумал про себя: «Вот чудак!»

— Конечно! Только я вас догоню попозже. Мне еще надо проверить тетради.

Я глянул в висящее за окном отражение комнаты и увидел ТАМ себя! Маленьким-маленьким. А Ивана Ивановича ТАМ не было! Но здесь-то он вот он, рядом со мной! Я даже протянул руку, чтобы потрогать его за локоть. Но... рука моя нащупала пустоту. И

вдруг я услышал донесшийся как бы издалека голос Ивана Ивановича:

— Счастливого пути! Я вас непременно догоню!

И тут я понял, что уже нахожусь не у себя в комнате, а в светящемся кубе отражения, висящем над улицей. Значит, я уже ТАМ? Или, вернее, ТУТ, по ту сторону окна. А Иван Иванович остался ТАМ, в моей комнате, и машет мне рукой. Я ему тоже помахал на прощание и стал осторожно спускаться.

И вот уж я шел по темному вечернему городу. Только странный город этот словно плыл в воздухе или, точнее, отражался в воде. Но воды не было и в помине. Я шел по сухому струящемуся тротуару мимо высоких домов с гроздьями светящихся окон.

Надо мной, как воздушные шары, висели разноцветные отражения комнат. Одни были так забиты шкафами и сверкающими сервантами, что людей и видно не было. В других — бегали, носились, крутились дети. А в некоторых детей не было, и стояла ровная, равнодушная тишина. В одном отражении

мерцал и слепил глаза холодным светом экран телевизора. А в этом все было загорожено огромным листом газеты и свисающими с ног шлепанцами.

Столько разноцветных отражений висело над моей головой, что трудно все их перечислить. Вот мастерская

художника с мольбертом, но вместо картин отражаются почему-то лишь пустые холсты. Зато в другом отражении, словно в гулком колоколе, звенела мелодия чудесной песенки. Здесь сидит громадный пес и грозно рычит. А там ухоженная кошечка с розовым бантом и таким же розовым носиком. Было отражение с обеденным столом, нагруженным едой. Сидящие за этим столом ели, ели, ели без передышки. Висело отражение, забитое игрушками настолько, что нельзя было разглядеть ребенка, для которого они куплены. Но одно отражение меня особенно порадовало. В нем светилось синее небо и плыли облака, как днем.

Вдруг в темноте, на безлюдной улице слышались шаги. Было ясно, что идут сразу несколько человек. Шаги четко отдавались в тишине, будто кто-то колот орехи.

глава пятая,

в которой появляются
удивительные незнакомцы
и которая называется

«ЧЕТЫРЕ БРАТА СИДОРА»

Навстречу мне вышли четверо. Они остановились. Пригляделись и одновременно сдернули с головы шапки. Четыре одинаково одетых человека. Один — молодой и безусый. Другой — усатый. Третий — бородатый. А четвертый — с бородой и усами.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Добрый вечер! — ответили они хором.

И стали знакомиться.

— Сидор, — сказал безусый и поклонился.

— Сидор, — сказал усатый.

— Сидор, — сказал бородатый.

— Сидор, — сказал усато-бородатый.

— Все Сидоры? — удивился я. — И похожи, как братья. Чудеса!

— А мы и есть братья, — сказал усатый.

— Двоюродные?

— Нет. Родные, — сказал усато-бородатый. — Я Сидор старший. Он Сидор средний, — и он показал на бородатого. — Этот, усатый Сидор, — средний второй. А тот — Сидор младший.

— Зачем же вы все Сидоры? — поразился я. — Неужели не могли вам разные имена придумать?

— А мы все — надежда родителей, — сказал Сидор средний.

— Как это?

— Очень просто. Первая надежда — я, — прогудел басом Сидор усато-бородатый. — Родители надеялись, что вырастет их сын Сидор сильным, веселым, умным и добрым. И верно, силы во мне хоть отбавляй, остального — ни ума, ни веселости, ни доброты настоящей — не добрал я. Чего нет, того нет.

— А я — вторая надежда! — засмеялся Сидор бородатый. — Отчаялись родители все разом получить в первом сыне и надеялись, что второй-то их надежды оправдает. И решили: пусть и этот будет Сидором, как если бы он

был первым. Веселым я уродился — это верно. Да таким веселым, что смеюсь и хохочу без устали. Этим только и отличаюсь. Оттого про меня и говорят: мол, глуп он, палец покажи — засмеется.

И он так расхохотался, что борода его распушилась, и каждый волосок отдельно трясся от смеха.

— Я — третья надежда родителей, — хмуро пробурчал усатый. — Умный я — это точно. Все думаю и думаю. А потом передумываю. Все уж передумал.

Обо всем подумал. Ничего, наверное, непонятого для меня на свете не осталось. И удивляться нечему. Скучно.

— А я — самая последняя надежда моих отца и матери. И самая несбывшаяся. Один брат у меня сильный. Другой — веселый. Третий — умный. А у меня ни того, ни другого, ни третьего. А если и есть, то понемногу. И за что они меня любят?

— Главное-то в тебе есть — это доброта, — прогудел Сидор Сильный, — а сила будет. Молод еще.

— И ума наберешься, — сказал Сидор Умный.

— А веселого да смешного на свете много, — засмеялся Сидор Веселый.

Я посмотрел на четырех братьев Сидоров и подумал: «Хорошие, видно, люди эти братья Сидоры. Дружные. И совсем разные. Их и вправду не спутаешь, хоть имена одинаковые».

— А куда вы путь держите? — спросил Сидор Сильный.

— Ищу человечка Соломенные ножки, — ответил я. — Может, вы его встречали? У него еще скрипка в руках.

— Маленький такой, хиленький? Да? Дунешь на него — он и улетит, — прогудел Сидор Сильный.

— Ха-ха! Забавный такой? Уморительный? — засмеялся Сидор Веселый. — Бегаёт на своих тонких ножках и все что-то под нос мурлычет.

— Видели мы его. Он навстречу нам шел, в наш город, — сказал Сидор Добрый. — Искал какое-то дерево.

— Поющее дерево, — объяснил я.

— Вот-вот, только в нашем городе давно нет деревьев. Ни поющих, ни обыкновенных, — нахмурился Сидор Умный. — Не советовал я ему туда идти.

— Сами оттуда ушли, — пояснил Сидор Добрый.

— Хоть и родной это наш город, — уныло добавил Сидор Сильный.

— И вам бы не советовали туда ходить, — остерег меня Сидор Умный.

— А чем же он так нехорош, ваш город? Расскажите, — попросил я.

— В том-то и дело, слишком хорош, — усмехнулся Сидор Веселый.

— Расскажи человеку, — обратился Сидор Добрый к умному своему брату. — Может быть, одумается человек. Домой вернется.

— Ладно, насупился Сидор Умный. — Только пока своими глазами не увидишь, на своей шкуре не испытаешь, понять трудно.

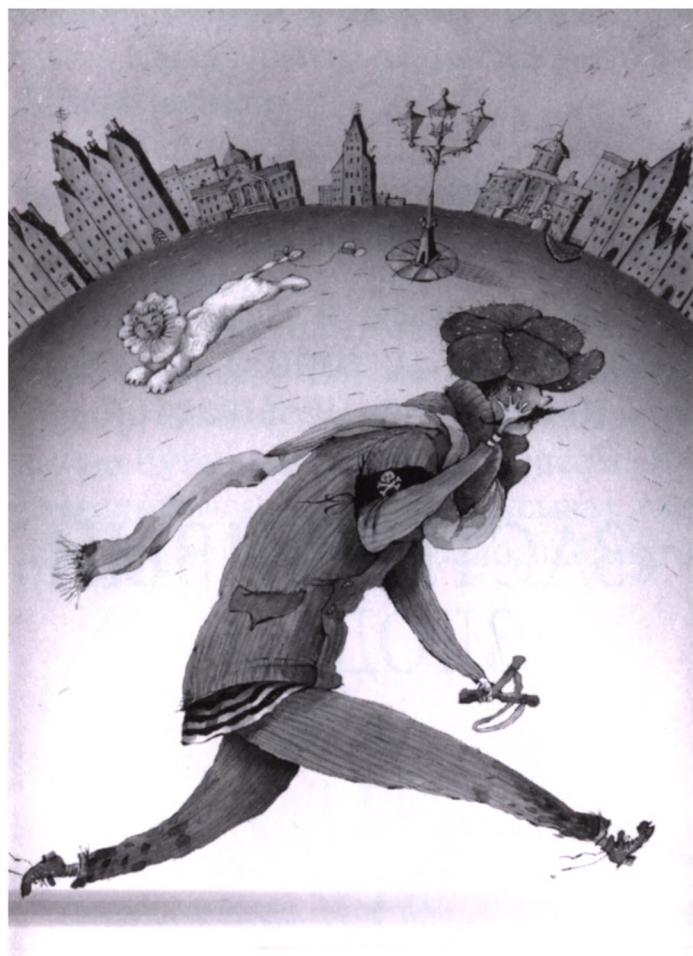
Мы уселись на травку у дороги. Сидоры раскрыли свои котомки, выложили сыр, хлеб, лук и соль. Поставили пузатую бутыл с розовым морсом. Я с удовольствием с ними перекусывал, слушая странный рассказ Сидора Умного.

глава шестая,

в которой я слушаю
странную историю Города
и которая называется

«ЗАСТЕНЧИВЫЙ
ЗЛОДЕЙ»

В этом удивительном Городе не было ни одного маломальски плохого человека. Куда они подевались, никто уже не помнил. Впрочем, и оставшиеся не все были одинаково хорошими. Один слыл человеком хорошим, но не очень. Другой — человеком, в котором мало хорошего. Третий, наоборот, считался человеком, в котором немало хорошего. Тот — просто хороший человек, а этот — хороший, но не просто. В том не находили ничего плохого, а этот прослыл неплохим человеком. Во многих было хорошенького понемногу. Если бы старательно поискать, то можно было бы даже найти человека, о котором обычно говорят: «Хорош, нечего сказать!»

Одним словом, не город, а музей хороших или почти хороших людей. И когда в Городе приключалось что-нибудь, происходила какая-нибудь неприятность — пропадала ли кошка, протекала крыша или разбивалось окно, то некого было ругать. Попробуй найди виноватого, если все хорошие!

И тогда решили горожане завести хотя бы одного плохого человека. Но среди таких замечательных, замечательно хороших людей даже не очень плохой может показаться злодеем. Итак, начались поиски.

Вообще найти злодея невероятно трудно. Никто не хочет прослыть злодеем. Вы можете называть человека как угодно: умник, здоровяк, красавчик, на худой конец — чистюля. И он никогда на вас не обидится. Пожалуй, и поругать можно. Например: артист, бревно, вафля, глухарь, дуля, егоза, жердь, заноза, индюк, каланча, лежебока, мастодонт, нюня, одуванчик, пилюля, ра-

зиня, сапог, тютя, утятина, фефёла, хлюст, цыпленок, чурбан, шляпа, щенок, эскалоп, юла, ябеда. И это бы тоже ничего.

Но злодей! Это слишком. Никто не соглашался. Тогда собрались все жители Города и решили злодея выбирать. Временно. Года на два-три. А потом заменять его следующим, чтобы никому не было обидно. Начали, конечно, с самых хороших.

С тех пор злодеями в Городе становились по очереди. Выберут какого-нибудь хорошего или почти хорошего человека Злодеем. Он не отказывается, но очень стесняется. Стыдно ему быть Злодеем, да ничего не поделаешь: слово дал. А хороший человек слово свое привык держать крепко.

Так постепенно часть горожан перебывала злодеями. Но три года — срок немалый. За это время любой распрямленный человек так привыкал к своей злодейской должности, что не мог

отвыкнуть от этого всю жизнь. Стеснялся, а злодействовал. То место чужое займет где-нибудь, а то еще того хуже — чихает на всех и каждого.

А в остальном в Городе дела шли хорошо. Лучше и не надо. У них даже приговорочка была: «всё, что лучше нашего хорошего, — плохо». Это очень удобная приговорочка. Надо только решить, что у тебя всё хорошо, тогда всё, что не так, как у тебя, можно считать плохим. Так они и делали.

Ну какие тут могут быть сомнения? Но чтобы уж совсем не сомневаться, в Городе были на каждом шагу развешаны Краткие Правила. Из шести пунктов.

Вот они:

1. Всё должно быть ясно!
2. Всё неясное — опасно!
3. Всё опасное — искоренять!
4. Всё искорененное — забывать!
5. Всё забытое — не упоминать!
6. Всё упоминаемое должно быть ясно!

Краткие эти Правила знали наизусть даже маленькие дети. У них хорошая память, и они всегда запоминают все легко и надолго.

Сидор Умный замолчал, молчали и его братья. И я подумал: «Все это было бы хорошо. Только вот беда, ушли из Города братья Сидоры: Ум, Сила, Доброта, Веселье. А без этого самый прекрасный Город — не город. Жизнь

в нем — не жизнь. Пожалуй, правы
братья — обойду его стороной. Думаю,
что и человечек Соломенные ножки
послушался их совета.

глава седьмая,

в которой я прощаюсь,
встречаюсь и снова
прощаюсь и которая
называется

«БОМ! ДИ-ЛИНЬ!
ПЛЯМС!»

Братья Сидоры поднялись одновременно.

— Ну, нам пора, — сказал Сидор Сильный.

— Вы уж нас извините. Прощайте, — сказал Сидор Умный.

— Может, еще встретимся? — спросил я с надеждой.

— А почему бы и нет? — улыбнулся Сидор Добрый. — Мы по свету немного побродим и домой возвратимся. Все же родной Город. Куда нам от него деться?

— Умишка вот наберемся, — подмигнул мне Сидор Веселый.

— И силы прибавим, — сказал Сидор Добрый.

— Да и веселья чуток не помешало бы, — проворчал Сидор Умный.

— Станем добрее. Говорят, доброта силы прибавляет, — сказал Сидор

Сильный и поднял свой кулак величиной с арбуз.

Они ушли, а я остался один.

Вот тогда-то я и подумал о бегемоте. И он, как вы понимаете, тут же появился. Дальше мы уже шли вместе. Вернее, он шел, а я ехал на нем.

Мы двигались вдоль заборов по узкой пригородной улице, и бока Бегемота с протяжным шорохом терлись о частокол деревянных планок.

Вдруг сквозь шорох я услышал то отрывистое, редкое, а то частое, торопливое: ТУК-ТУК! ТУК-ТУК-ТУК!

— Дятел, — решил я.

— Поросята бегают, — предположил Бегемот.

— Или дрова колют, — добавил я.

— Поросята бегают, — настаивал Бегемот.

— Или горох пересыпают?

— Поросята бегают, — упорствовал Бегемот.

— Думаешь? — засомневался я. — Давай-ка постоим, послушаем.

Мы замерли и стали слушать. И вот уже в однообразном, казалось бы,

ТУК-ТУК, я начал различать и гулкое ДОН-Н!, и звонкое БОМ-М!, и глухое УМП!, и нежное ДИ-ЛИНЬ!, и дробное ПАМ-ПАМ-ПАМ!, и звучное ПЛЯМС!, и совершенно уж ни на что не похожее ТР-РР!

— Пожалуй, это не дятел и не дрова. И тем более не горох, — покачал я головой.

— Я же говорил: поросята бегают, — обрадовался Бегемот.

— Пойдем посмотрим, — предложил я.

Заборы кончились, и перед нами раскинулся сад. Крепкие фруктовые деревья, будто солдаты, шагали шеренгами далеко-далеко к горизонту, к темнеющему вдаль лесу.

Вот между деревьями что-то мелькнуло. И оттуда прилетел звук короткого удара — ПУМ! И снова что-то мелькнуло чуть подальше. И вновь — БУМ! Издали невозможно было разглядеть и понять, что же или кто же это мелькает среди деревьев сада.

Бегемот вдруг остановился в нерешительности и наклонил свою голову к земле так, что она стала похожа на большой мясистый кактус без колючек.

— Дальше я не пойду, — пробурчал он.

— Почему? Устал?

— Нет, — буркнул Бегемот.

— Может быть, ты занозил ногу? Дай-ка посмотрю, — забеспокоился я.

— Нет, — фыркнул Бегемот, — не нашлось еще такой занозы, которая могла бы проколоть какую-нибудь из моих четырех пяток.

— Неужто испугался? — опешил я.

— Кого же бояться? Бегающих попросят? — обиженно хмыкнул Бегемот. — Просто я опасаясь ненароком задеть дерево и выдернуть его с корнем. Они так часто посажены, без всякого расчета на гуляющих бегемотов.

И он остался стоять на месте, а я поспешил на стук. Поначалу я все оглядывался и проверял, не потерялся ли мой Бегемот. И вдруг увидел впереди... человека Соломенные ножки!

Он бегал от дерева к дереву и ударял смычком по стволам. БАМ! ДОН-Н! — отзывались по-разному стволы, а с ветвей летел белоснежный дождь лепестков.

Человечек Соломенные ножки прикладывал к стволу ухо, замирал на мгновение и бежал дальше.

— Не-то-не-то-не-то! — бормотал он огорченно.

— Человечек Соломенные ножки! — крикнул я.

Я тут же забыл про Бегемота и, не оглядываясь, ринулся в гущу сада. И зря! Забытый бегемот стал быстро исчезать. Он, как проколотый воздушный шарик, опадал серыми складками, сморщивался. Если бы я только оглянулся! Я бы еще успел. Но я в то мгновение так рад был увидеть человечка Соломенные ножки, что совершенно

забыл про всё и вся. И про Бегемота. А его широкая голова, похожая на гладкий тяжелый валун, уже втянулась в плечи и стала напоминать грелку, из которой выпустили воду. И вот на месте забытого Бегемота осталось лишь легкое голубоватое облачко, которое быстро унесло ветром. Бегемот снова стал беспризорным. До тех пор, когда о нем вспомнят, когда он будет очень-очень нужен.

глава восьмая,

в которой я бегу
за человечком
Соломенные ножки,
а он бежит
за Яблоневым мальчиком
и которая потому
так и называется

«ЯБЛОНЕВЫЙ
МАЛЬЧИК»

Человечек Соломенные ножки вовсе не удивился, увидев меня. Он прижал палец к губам.

— Тс-с! — прошептал он, будто за кем-то охотился и боялся этого кого-то спугнуть.

На самом деле он старался не спугнуть музыку. Для него звучала тонкая музыка яблоневых стволов, которые для других всего-навсего бамкали и бумкали.

Я немного обиделся, что человечек Соломенные ножки вроде бы и не обрадовался мне. Он продолжал бегать по саду. Его соломенные ножки мелькали, как велосипедные спицы. Скрипка в его руке то взлетала над головой наподобие зонтика, то плыла впереди, словно букет, то вспархивала на плечо,

будто невиданная птица с длинным кривым клювом.

Я двинулся за ним. Так мы пробежали сквозь сад и, удивленные, остановились. Сад кончился. Но он не кончился! Он продолжал вырастать. И мы увидели мальчика. Он шел по заросшему пыльной травой пустырю. А сад, как собачонка, бежал следом! Но это только так показалось сначала. На самом деле сад вырастал позади мальчика сам по себе.

Мальчик ел яблоко. Яблоко чуть поскрипывало, когда мальчик откусывал от него сочные лунные серпики. Белый яблочный сок пенился и вскипал на его губах. На землю падали черные бомбочки семечек.

Мальчик шел и вминал босыми пятками эти семечки в мягкую землю. И позади него мгновенно вырастали яблони. Дальние, самые первые, ужегнулись под тяжестью просвеченных солнцем яблок. Ближние еще только

зацветали. А те, что вырывались у него чуть ли не из-под ног, с шумом расправляли ветки и листья.

Мальчик шел, грыз яблоко, а за его спиной кружились белые лепестки, гулко ударялись о землю спелые плоды, шумел яблоневый ветер.

Человечек Соломенные ножки побежал зигзагами, огибая выстреливающие из земли ростки деревьев. А я устал и остановился. Я смотрел, как они оба удалялись, растворялись в светлой трепещущей тени сада, словно бы заслоненные голубыми и желтыми ладошками тени и света.

Я не спешил догонять их. А стоял и думал, как хорошо бы иметь на ла-

дони несколько таких волшебных семечек, из которых прорастают сказки. Сначала они пускают слабые, незаметные нити корней, цепляются за землю, выбрасывают нежную стрелу ростка, ветвятся, оживают на ветру. И вот уже шумит, поет над твоей головой живое дерево сказки. И голос этого поющего дерева приходят послушать люди.

Я видел, как человечек Соломенные ножки нагнулся, подобрал яблочное семечко и сунул его в наплечную торбочку. Может, о том же подумал?

Вдруг кто-то положил мне руку на плечо. Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. Рядом со мной стоял мой сосед ботаник Иван Иванович.

— Простите, — сказал он, — я немного задержался. Но знаете, столько работы! И потом я завернул тут неподалеку в один домик. В нем живут очаровательные старички. Дядюшка Иван да тетушка Марья. Говорят, за всю

свою жизнь они ни разу не разлучались. И так привыкли друг к другу, что давно уже думают одинаково и даже говорят одновременно одно и то же. Слово в слово. Их и зовут одним именем — Иван-да-Марья. А какой у них сад! Они его называют: огород. Такого нигде нет. Это я вам говорю как ботаник.

— А я его нашел, — сказал я.

— Кого? — не понял Иван Иванович.

— Человечка Соломенные ножки.

Он идет за поющим деревом.

— Тогда его надо непременно свести к Иван-да-Марье, — заволновался мой сосед Иван Иванович. — У них там просто пропасть поющих трав. И деревья найдутся. Это я вам как ботаник говорю!

А Яблоневого мальчик в это время исчез в лепестковом дыму. Встретимся ли мы еще? Не знаю. Но каждый раз, увидев сад, я буду вспоминать об этом удивительном мальчике, который оставляет позади себя деревья и плоды.

Мне стало немного грустно оттого, что редко, очень редко встречаются на земле такие мальчики.

Но человечек Соломенные ножки вернулся довольный. За поясом у него был заткнут тоненький яблоневого прутика, прямой, как смычок. Услышав про огород поющих трав, человечек Соломенные ножки стал в нетерпении дергать меня за рукав.

— Идем-идем-идем-идем! — тараторил он.

глава девятая,

в которой нас встречают
Иван-да-Марья и которая,
хоть и короткая,
но называется длинно:

«ОГОРОД ПОЮЩИХ ТРАВ»

Иван Иваныч повел нас тропинкой вдоль яблоневого сада. Мы огибали ряды апорта и ранета, джонатана и китайки, райских яблочек и яблонь белый налив. Все эти названия вслух произносил сосед-ботаник, хотя я до сих пор не понимаю, как он по одинаковым бело-розовым лепесткам мог угадать такие замысловатые яблоневые имена.

Крохотный дом старичков со всех сторон зарос травой, кустами, деревьями. Казалось, что живут Иван-да-Марья не под крышей, а в листве, среди цветов и зеленых веток. Они вышли на крыльцо. Оба маленькие, сухонькие и держались за руки, словно малые дети.

— Очень рады, рады, — пролепетали они. — Проходите, проходите. Здравствуйте, здравствуйте.

— Тетушка-дядюшка, — сказал Иван Иваныч, — вот это и есть человек

Соломенные ножки. Он ищет поющее дерево.

— Дерево? — переспросили Иван-да-Марья. — Каждое дерево, каждая травинка поют по-своему. Пойдемте, пойдемте. Послушаем. Послушаем. Послушаем.

глава десятая,

которая не что иное,
как окончание предыдущей
и которая называется

«СОН-ТРАВА»

Вот так всегда. На пути мне встречается столько интересных необычных людей, что я без конца отвлекаюсь и теряю из виду главного своего героя. Но очень уж хочется подробней рассказать обо всех, кого узнал, полюбил и никогда уже не смогу забыть. В конце концов сказка — это не только увлекательные приключения, но и удивительные встречи. Правда?

Маленькие старички Иван-да-Марья приподнимались на цыпочки и гладили руками каждую травинку, каждый листок, осторожно касались разноцветных лепестков.

— Это, — говорили они, — кошачья лапка. Видите розовые подушечки цветов? Будто кошка на спине лежит и лапки, играючи, вверх подняла.

И они ласково теребили розовые цветы, торчащие над травой.

— А это! А это! — с восторгом вскрикивали они. — Это собачья роза! Какое название! Какое название!

И они показывали куст, похожий на дворняжку с лохматым репейным хвостом.

— Нет! Нет! Теперь сюда посмотрите! Пожалуйста! Пожа-луйста! Кукушкин лен. Эти травинки ну точь-в-точь страусята в зеленых перьях, с маленькими головками на длинных голых шейках! Совершенно птичья трава.

И они тут же перебежали к другой травке и всплескивали ладошками, ахали, охали, прицокивали, причмокивали, качали головами и вздыхали.

— А как вам нравится вот это? Заячья капуста! Листики ее и впрямь будто заячья раздвоенная губа. Розовые заячьи глаза цветов так и смотрят на вас! Так и смотрят!

Иван-да-Марья ступали легко, стараясь и травинки не смять. И получалось это у них удивительно, будто по воздуху скользили.

— Вот, вот замечательная трава! Гусиный лук. Листья длинные, гибкие, словно гусиные шеи. А эти желтые цветки? словно раскрытые гусиные клювы.

Я опасливо обошел гусиный лук стороной: того и гляди долбанет в ногу! А Иван Иваныч, наклоняясь, нюхал каж-

дый цветок и близоруко разглядывал, чуть ли не залезая острым носом внутрь бутона.

— Правильно, — сказал он. — У вас все травы лечебные. Это я как ботаник знаю.

— Конечно! Конечно! — ответили Иван-да-Марья. — Каждая кого-нибудь от чего-нибудь лечит.

— Ага. Понятно, — сказал я. — Гусиный лук — гусей, а кошачья лапка — кошек. Занозы из лап вытаскивает.

— Не совсем так. Не совсем так, — засмеялись Иван-да-Марья. — Иногда заячьей капустой лечатся козы, а козью иву не прочь поглотать зайцы. Взгляните. Взгляните. Вот она, козья ива.

Прямо перед нами росли четыре небольших деревца. Тонкие стволы их в серой заскорузлой коре очень напоминали узловатые козьи ноги. Так и казалось, будто стоит зеленая кудрявая коза и вот-вот заемекает.

— Где-поющее-дерево? — подал вдруг голос человечек Соломенные ножки.

— Как же? Как же? Неужели не слышите? — удивились Иван-да-Марья. — Закройте глаза и затаите дыхание.

Я тут же зажмурился и перестал дышать. Но ничего не слышал. Тогда я изо всех сил сжал веки и так напыжился, что перестал дышать вовсе. Перед глазами у меня поплыли огненные арбузы, а в ушах тоненько и противно зазвенело. Так я простоял полминуты. Звон перешел в гудение. Будто от уха до уха бегал во мне паровоз. Зеленые фосфорические полоски на арбузах замелькали с бешеной скоростью, словно обручи в руках жонглера. А сами арбузы, как шаровые молнии, вдруг стали с треском лопаться внутри меня. Я задохнулся, не выдержал и открыл глаза. Голова у меня кружилась. А перед глазами долго еще подрагивал последний слепящий арбуз.

Я дрожащей грудью скорее вдохнул несколько раз поглубже и огляделся.

Иван Иванович стоял с закрытыми глазами, и губы его двигались, что-то беззвучно напевая. Из левого его кармана высунулась мышиная мордочка. Усы ее подергивались. На ранте правого кармана сидел зеленый Кузнечик и двигал длинными ножками-смычками, словно подыгрывал какой-то слышимой только им мелодии.

А человечек Соломенные ножки весь превратился в слух. У него даже руки слушали. Они проделывали какие-то сложные пируэты, как бы дирижируя целым оркестром.

Я снова закрыл глаза, но уже не так сильно, и постарался дышать не очень громко. И постепенно во мне зазвучала музыка.

— Что-то журчит, как ручеек, — прошептал я.

— Это в травах бродят соки, — сказали Иван-да-Марья.

— А еще будто в маленькие звонкие барабаны ударяют.

— Это почки лопаются.

— Теперь словно кто-то струны перебирает.

— Ветер, — засмеялись Иван-да-Марья. — Ветер свои песенки в траве наигрывает.

Я открыл глаза. Все стояли как зачарованные. Иван Иваныч покачивался из стороны в сторону. И туманно улыбался.

— А вы? Вы не слышали здесь своего поющего дерева? — спросили Иван-да-Марья человечка Соломенные ножки.

Тот только покачал головой. Потом нагнулся, сорвал тоненькую травинку и натянул ее на свой смычок. Он провел травяным смычком по струнам, и мы слышали тонкий певучий звук.

— Странно. Странно, — удивились Иван-да-Марья. — Это ведь песенка сон-травы. Неужели ее уже и другие травы заучили?

— Нет, — сказал человечек Соломенные ножки, — просто-я-сейчас-слышал-эту-мелодию. Она-где-то-рядом.

— Верно. Верно, — сказали Иванда-Марья. — Она тут рядом растет, за птичьим гречишником и лягушачьей кислицей. Пойдемте. Пойдемте. Там можно прекрасно отдохнуть с дороги. У нас там все гости отдыхают. И лягушки, и кошки, и козы, и птицы.

Мы шли сквозь шелестящую, шуршащую, цветущую гущину, и воздух постепенно наполнялся разными звуками. Мы слышали мяуканье, собачье ворчание, кроткое блеяние коз, нахальный гусиный гогот. Из травы вдруг высывалась треугольная кошачья мордочка или заячьи уши. Из-под ног, будто зеленые перчатки, выпрыгивали прыткие лягушата. В развилке дерева куковала кукушка. Из кустов нацеливались на нас гусиные клювы. А под деревом лежала коза, хитро поглядывая своим зеленым в крапинку глазом величиной с крыжовину.

— Вот и пришли. Вот и пришли, — сказали Иван-да-Марья. — Здесь и отдохнете. Под деревьями. В тени.

Я заметил крупные лиловые колокольчики.

— Странно, — сказал я. — До сих пор я думал, что колокольчики бывают только синие.

— Это не просто колокольчики. Не просто, — засмеялись Иван-да-Марья. — Сон-трава. Вот что это. Вы присядьте. Присядьте.

От узких стрельчатых листьев рябило в глазах. Огромные пушистые колокольчики будто слегка позванивали. Мерный и мелодичный звук сливался в одно слово: «спим-mmm-спи-иим-спи-иийи-mmm»...

И как-то незаметно мы стали засыпать. Я сел на траву и прислонился к стволу дерева. Человечек Соломенные ножки даже во сне прижимал к щеке скрипку и медленно водил смычком по струнам в такт своему дыханию. И всем нам снилась одна и та же песенка. Песенка сон-травы:

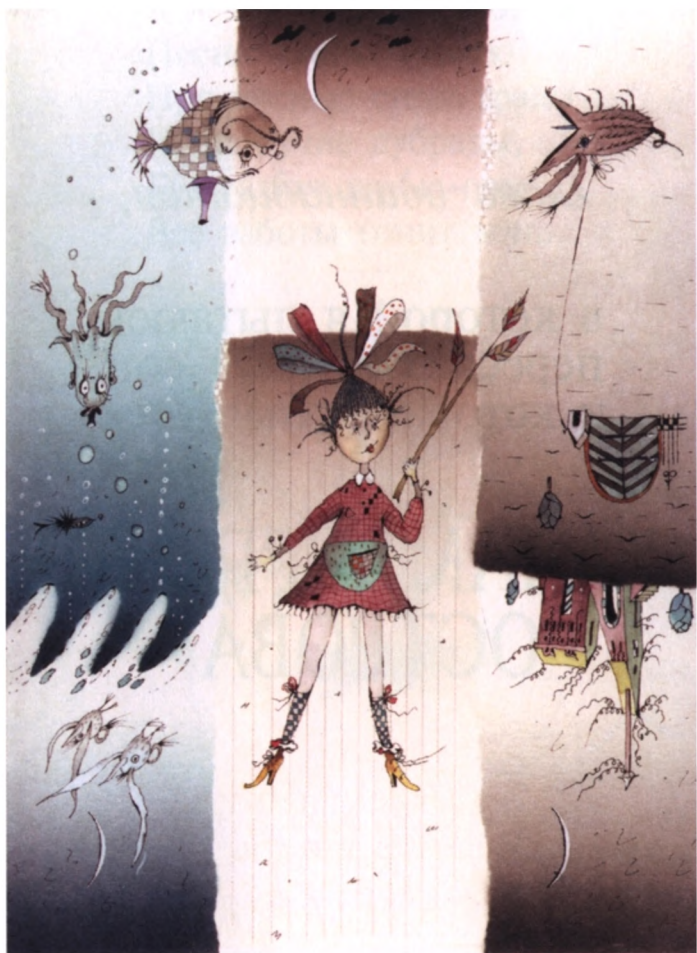
Баю-баюшки-баю,
Я вам песенку спою,
Песню сонную свою
Про лесные-сные травы
И дремучие дубравы,
Где гуляет дрема-сон,
Все заботы гонит вон...

глава одиннадцатая,

в которой я пытаюсь
пересказать свой сон
и которая называется

«КАЛАМБУРГСКИЕ ОСТРОВА»

Я надеюсь, что это был просто сон. Иначе как я мог попасть на эти Каламбургские острова? На карте во всяком случае их нет.

А я искал на самых лучших картах, просто увешанных гроздьями названий самых мелких и мельчайших островов.

Итак, сон мой начался с середины.

И во сне я думал и говорил так, как, по всей вероятности, думают и говорят на Каламбургских островах. Из меня выскакивали какие-то чудовищные слова. И, что самое удивительное, меня это нисколько не удивляло! Мой сон и начался с такого слова, похожего на непонятное ветвистое дерево: каламбурело. Каламбурело. День кончался. Назойливо пахли каламбурозы. Каламбуйно цвели каламбурции. Дул калам-

бурей, и море вокруг островов становилось слишком каламбурным. Волны каламбурлили, как в кастрюле. Низко над головой каламбуряли чайки. Рядом с моими низкими окнами прошли два каламбуржца в шляпах каламбурного цвета. Кивнули друг другу: — Каламбурим! — Бурим-калам! Пробежал каламбуренок. Он громко каламбарил в каламбуринах. Из соседнего окна высунулась сонная физиономия. — Каламба! — рассердился разбуженный каламбуржец.

Каламбуренок что-то каламбуркнул в ответ и убежал.

Вышла луна и осветила вывеску над магазином:

«КАЛАМБАСА И СЫР КАЛАМБУРГСКИЙ»

А море каламбродило все сильнее и сильнее.

«Похоже, что разыграется настоящая каламбурия», — подумал я. Передо мной

лежали каламброды — каламбулка с каламбером. Но есть не хотелось. Я сел на каламбуретку и закурил каламбуросу. На душе у меня было не совсем каламбортно. Куда пропал человечек Соломенные ножки? Куда он делся?

По руке моей ползла каламбурашка. Она смешно каламбурала нитяными ножками. Но мне было не до нее: закаламбурили меня Каламбургские острова. Надоело каламбуровать, язык устал, а оно все каламбурилось и каламбурилось. И, главное, человечка Соломенные ножки нет как нет.

Ах, если бы я знал тогда, что все это мне снится! Я бы ни чуточки не волновался. Но я-то думал, что человечек Соломенные ножки пропал взаправду!..

Я встал, натянул свой помятый каламберетик и вышел на улицу. Скаламбурело окончательно. Ни одного фонаря. Тут и каламбурахнуться недолго! И вдруг слышу: калам-калам-калам!.. Что-то звонко каламбалкало. Человечек Соломенные ножки! А рядом с ним небольшая девочка. Это каламбучки ее туфельек так звонко каламбалкали в ночной тишине.

— Каламбина, — представил ее мне человечек Соломенные ноки.

— Весьма каламбрат, — каламбрякнул я и тут же подумал: «Какой такой брат? При чем тут брат?»

— Очень каламбрад! — поправился я.

Каламбина вежливо накаламбила головку. Алый каламбантик на ее макушке закаламбался, словно бутон на клумбе.

«Клумба, клумба, — подумал я, — что-то в ней есть каламбургское».

И тут, словно подслушав мои мысли, человечек Соломенные ножки сказал:

— Каламбина-показала-мне-клумбу-на-ней-растет-каламбуровое-дерево!

Он потянул меня за руку. Мы обогнули дом, весь покрытый завитушками, как барышня. Из подворотни на нас злобно твякнула рыжая каламбака. Сидящие на скамейке перед домом каламбабушки дружно повернулись в нашу сторону и оживленно закаламбурлили. Я им не понравился? Или человечек Соломенные ножки удивил? Но он даже не глянул на них. Тянул меня и тянул вперед.

Клумба была похожа на многопалубный пароход. Каждый ярус-палуба этого цветущего парохода благоухал по-своему. И каждый запах имел свой цвет. Цветочные запахи поднимались, переплетались, перевивались, перетекали один в другой, превращаясь в крутую радугу. Я бы даже сказал в каламбурадугу.

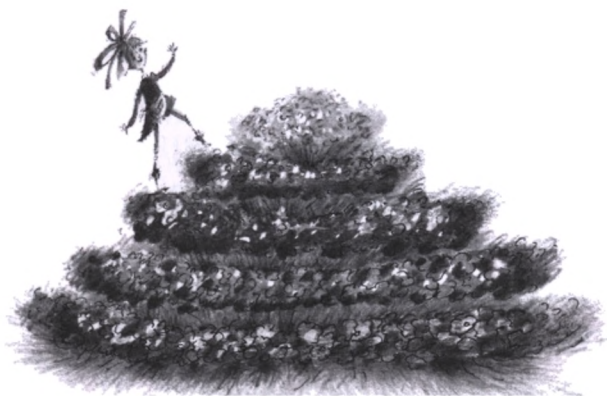
Каламбина легко взбежала по высоким ярусам-ступенькам клумбы на самую ее верхушку. Человечек Соломенные ножки сноровисто поспевал за ней. А я остался стоять у подножия этого клумбового парохода и быстро потерял из виду Каламбину и человечка Соломенные ножки. Их скрыли цветочные заросли. А когда они показались снова, в руке у Каламбины была странная пестроцветная каламбуро-малиновая ветка.

«От каламбурового дерева», — догадался я.

Человечек Соломенные ножки осторожно взял у Каламбины ветку и победно поднял ее над головой. И тут же над его репчатой головкой расцвела каламбурадуга. Разноцветные запахи терпко ударили мне в нос и одновременно ослепили. Никогда еще радужная арка не стояла так близко, просто в двух шагах от меня.

Я дотронулся до облепленной цветами, будто мокрым снегом, ветки. Цве-

ты оказались упругими и чуть-чуть влажными. Пальцы мои окрасились в пятна разных цветов, а ладонь стала похожа на акварельную палитру. И долго не отмывалась. Даже после того, как я проснулся.

глава двенадцатая,

в которую мы спускаемся
по каменным ступеням
и которая называется

«ПОДЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАМОК»

Однажды я поселился в заколдованном замке. Но не в хрустальной его башне с птичьими невесомыми балкончиками и кружевными карнизами. Не в просторных залах с долгим эхом, гуляющим под высоким, как небо, потолком. Даже не в библиотеке, восхитительно пахнувшей древней кожей золоченых книг. Мне досталось таинственное подземелье. Его сводчатые потолки терялись в туманном полумраке. В его закрытые витыми решетками окна прорастали длинные, узкие пальцы травы. К его тяжелой двери сбегали каменные ступени. Пять широких стертых ступеней вели в мой Подземельный Замок.

Ко мне часто запросто заходил Дождик. Он весело барабанил по

подоконнику по утрам: «Вста-вай! Вста-вай!» И быстрые ручейки стекали на пол. Они сливались в мелкие лужицы, и я мог шлепать по ним босиком, не выходя на улицу. Часто ко мне заглядывали кошки. Они прятались от собак и дворников или просто забегали на огонек. Через форточку. Поболтать.

Но беседовал я не только с кошками. Надо сказать, что прежде Подземельный Замок принадлежал старому Скульптору. Он всю жизнь высекал из камня, лепил из глины, вырезал из дерева, отливал в гипсе тигров, собак, цапель, бегемотов. Многие из них и сейчас стоят в тихих скверах и шумных дворах. А еще очень любил лепить этот Скульптор портреты людей. Бюсты, как он их называл. И особенно нравились ему старые и лысые.

Скульптор давно умер, и некому было забрать все эти гипсовые бюсты. Вот и стояли тут и там в моем Под-

земельном Замке большие, как снежные холмы, лысые головы.

Я был тогда молод, и лысые дядьки мне казались совсем стариками. Все они были похожи на одного моего знакомого, деда Лукича, сторожа Главного Склада. И теперь, когда мне приходилось разговаривать с гипсовыми моими соседями, я их так и называл: дяденька Лукич. Кошки тоже любили моих соседей. Они мурлыкали, обходя их вокруг, и поглаживали поднятыми пушистыми хвостами. Что означало верх расположения.

Теперь я люблю не спать по ночам и смотреть в синее ночное окно. А раньше, когда я был совсем молодой, спал крепко всю ночь напролет.

Но однажды...

Это было ранней-ранней осенью, когда она еще похожа на лето, только не зеленое, а золотое. И вот однажды я проснулся среди ночи. На подоконнике мирно дремали три кош-

ки. Четвертая свернулась клубочком рядом с глиняным обливным бегемотом, похожим на кувшин. Голубые лунные лепешки лежали на лысых головах моих гипсовых соседей. Отчего же я проснулся? Сначала я никак не мог догадаться. А потом вдруг услышал такую позванивающую мелодию. Будто на осколок стекла падали мелкие, невесомые капли: динь-динь-динь-динь! Я сначала так и решил, что идет дождик. Обычный осенний дождик. Даже на пол глянул: нет ли там привычной веселой лужицы, по которой можно пошлепать босиком.

Но это звенели, оказывается, сухие листья на ветке неизвестного мне дерева. Я его и не видел никогда целиком. Только часть морщинистого ствола, похожего на ногу бегемота, и толстые жилистые корни, что вращались в землю прямо под моим подвальным окном и уходили глубоко, под стену Подземельного Замка. Но одна

ветка изгибалась сверху и заглядывала ко мне в окно. Я с ней тоже любил беседовать. Спрашивал, хороша ли подземная водичка, которой ее поили корни, зимой желал ей теплого снега, весной поздравлял с первым листочком-дудочкой, летом благодарил за тень, а осенью обычно молча любовался ее золотым бальным нарядом. И она мне отвечала то шорохом, то дружеским постукиванием о стекло, то шелестом густых листьев.

Но музыка!.. Музыки я никогда не слышал. Может быть, потому, что был молод и крепко спал по ночам?

Много лет я не вспоминал об этой ночной песенке моего знакомого дерева. Она, правда, иногда во мне звучала, но вокруг было столько разных звуков и шумов, что я к ней не особенно прислушивался. А сейчас вспомнил. И подумал: «А вдруг это и было то самое Поющее дерево, которое мы так упорно ищем?»

Я тут же захотел отвести человечка Соломенные ножки к тому Подземельному Замку моей молодости. Даже начал припоминать дорогу туда. Вот этой улицей и тем переулком. Вон тот двор надо пройти насквозь. И тем сквером идти до старого клена. А потом свернуть на узкую аллею и мимо лужайки с качелями выбраться на берег ручья. Тут уж недалеко. Но что это? Нет того дома, который вырастал над моим Подземельным Замком, скрывал его от случайных прохожих. Вернее, дом стоит. Но стал он намного ниже.

И я догадался. Мы не сможем добраться до Подземельного Замка. Окна его вросли в землю. И не висят в воздухе над травой их отражения. Да. Трудно, даже невозможно заглянуть в окна, которых уже нет. А дерево? Дерево где? Я обошел дом вокруг. С какой стороны росло то самое Поющее дерево моей молодости? Может быть, вон тот пенек, из которого сделали

удобный и прочный стол для вечерних игр в громкое домино или тихие шашки? Или вон та поленница? Для чего она? Печи в этом доме не топят: есть водяное отопление...

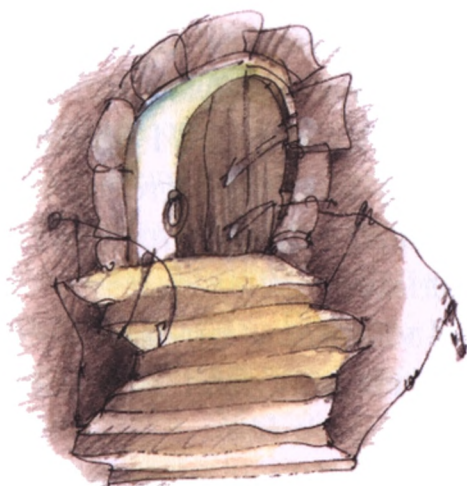
Прервал мои размышления человек Соломенные ножки. Он взял из поленницы небольшую чурочку и стукнул по ней кулачком. И приложил к ее шершавому боку ухо. Что-то, наверное, он услышал, потому что вдруг рванулся в подъезд.

— Идем-идем-он-живет-здесь-я-знаю! — выкрикивал он, взбегая на верхний этаж дома.

Я только успел скосить глаза на уходящий вниз, в подвал, лестничный марш. Он обрывался странно, упираясь в глухую кирпичную стену. Наверное, это все-таки не тот дом, под которым скрыт был мой Подземельный Замок.

Я догнал человечка Соломенные ножки уже почти на чердаке. Он сто-

ял у двери и поглядывал на кнопку звонка, поджидая меня. Сам дотянуться не мог. На двери висела табличка. Написано на ней было одно слово: «МАСТЕР».

глава тринадцатая,

в которую мы попадаем
через поленницу
и которая называется

«ЯНТАРНЫЙ СУП»

Комната была наполнена теплым запахом дерева. Желтыми, почти янтарными пальцами Мастер поглаживал тонкую, изогнутую, как балерина, дощечку. Он был так увлечен своей дощечкой, что даже не обратил внимания на меня. Тем более он не заметил человечка Соломенные ножки. Просто открыл дверь и вернулся к столу.

Человечек Соломенные ножки прошмыгнул под низким верстаком и вскарабкался на груды чурбачков, сложенных в углу крохотной поленницей. Верхний темный и сухой чурбачок скатился на пол с прозрачным звоном.

Мастер встрепнулся и поднял глаза на меня. Глаза его оказались тоже

цвета янтаря. При виде меня он вовсе и не удивился.

— Минуточку, — сказал он и поспешил к плите, на которой бурлила небольшая медная кастрюля с длинной ручкой.

«Суп варит, — подумал я. — Человеку обедать пора, а мы его отрываем. Неудобно».

Но суп в кастрюле был какой-то странный. Из-под крышки вырывались золотистые клубы пара, вкусно пахнувшего смолой. Мастер осторожно снял крышку, помешал непонятное варево деревянной лопаточкой, потом приподнял лопаточку над кастрюлей. С нее стекала вязкая медовая капля величиной с виноградину. Мастер причмокнул.

— Еще чуть поварить и готово, — сказал он.

— Как же этот суп называется? — спросил я.

— Янтарный, — усмехнулся Мастер.

А человечек Соломенные ножки тем временем знай себе карабкался по непрочной пирамиде сухих деревяшек. И одна из них вдруг вырвалась у него из-под ног. Она дребеденькнула и, будто собачонка, ткнулась в ботинок Мастера. Тот нахмурился.

— Кто там безобразничает? — сурово спросил Мастер.

— Это человечек Соломенные ножки, — извиняясь, сказал я. — Мы к вам вместе пришли.

Человечек Соломенные ножки стоял на широком чурбачке, подбоченившись, и был сейчас похож на только что возведенный памятник. Мастер внимательно оглядел человечка Соломенные ножки, заметил под мышкой у него крошечную скрипку и вдруг широко улыбнулся.

— Вы принесли в ремонт свою скрипку? Но я не ремонтирую скрипок. Я их строю.

Так и сказал: строю. Будто дом. А, может быть, скрипка и есть дом? Дом, в котором живет музыка.

А человечек Соломенные ножки спрыгнул с чурбака, спрятал за спину свою скрипку.

— Нам-нужно-поющее-дерево, — протараторил он.

— Поющее дерево... Поющее дерево, — Мастер задумался. — Да-да, я слышал о нем.

Я поднял один из чурбачков. Неожиданно он оказался таким легким, будто был сделан из чего-то птичьего, летающего. Он даже как бы вспархивал с руки. Высушенный до звона чурбачок казался прозрачным, как янтарь.

— А разве ваши скрипки не из Поющего дерева? — спросил я, протягивая мастеру звонкий янтарный чурбачок.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Мастер.

Он взял из моих рук чурбачок, взвесил его на широкой ладони.

— Этот кусок дерева принес еще мой дедушка. Лет пятьдесят тому назад. С тех пор он и лежит, высыхает до звона. А это, — Мастер поднял небольшое поленце, — я сам срубил. Скрипку из него можно будет строить лет через пятьдесят. Вот и получается: про старое дерево спросить уже не у кого, а

как запоет новое, я сам уже не узнаю — его возьмет в работу мой внук. Дерево для настоящей скрипки выдерживают, высушивают годами.

Мастер взял отточенный сверкающий тесак и ловко отщепил от дедовского чурбачка тонкую пластинку. Он протянул ее человечку Соломенные ножки, щелкнул по ней твердым блестящим ногтем. И вдруг пластина запела. Долго плыл в воздухе нежный, дрожащий звук. И даже когда он исчез, вся комната, казалось, была наполнена тонким смолистым ароматом, будто здесь поселился запах древних дедовских лесов.

Мы собрались было уходить, но тут Мастер остановил нас:

— Постойте! Я, кажется, слышал про какое-то особенное дерево. Говорят, что ему тысяча лет. Когда дуют северные морские ветры, оно поет. Так рассказывали старики. И растет это дерево на Лисьем хуторе.

— Где-Лисий-хутор? — тотчас спросил человечек Соломенные ножки.

Мастер развел руками.

— Не знаю. Но слышал, что это очень далеко.

Мы вышли на улицу. В какую сторону повернуть? Направо? Налево? Долгая ли дорога нам предстоит? И как мы дойдем пешком до Лисьего хутора, где дуют северные морские ветры? Можно бы попросить Бегемота отвезти нас. Но он животное южное. Еще продует его северным ветром.

Не успел я додумать, как получил крепкий толчок в бок. Еле на ногах удержался.

— Простите, — виновато гукнул Бегемот, — здесь такая тесная улочка и к тому же я неудачно появился. Слишком близко от вас. Вам не больно?

— Нет, нет, что ты! — обрадовался я. — Ты появился как раз вовремя.

— Садитесь, — сказал Бегемот, — я знаю, где этот Лисий хутор. Когда я

исчезаю и становлюсь беспризорным, где только мне не приходится бывать!

И он, тяжело переваливаясь и шаркая боками о кирпичные стены домов, стал протискиваться вдоль узкой улочки. Мы, беспечно болтая ногами, сидели на его спине, будто на просторной скамейке.

глава четырнадцатая,

которая рассказана
Лисичкой
и которая называется

«СЕМИСТВОЛЬНОЕ ДЕРЕВО»

Я давно заметил, что морской ветер пахнет большими рыбами и просмоленными парусами. Хотя рыб стало в море намного меньше, а корабли-парусники и вовсе не встречаются.

Но сейчас, когда мы вдыхали свежий ветер, с ним прилетали эти крепкие морские запахи. Перед нами простиралась волнистая, уходящая за горизонт земля. Длинные осенние перелески рыжими лисятами сбегали с холмов. Овраги, заросшие светло-пушистыми ивами, лежали поперек луга лисьими хвостами. А Лисьего хутора пока видно не было. Зато посреди луга, перебитого, будто гигантская зеленая посылка, тонкими бечевками тропинок, стояло дерево.

Такого сказочного дерева я не видел. Оно выросло поднебесной колон-

ной. Тень его плыла по лугу, как большой океанский корабль. И на самой верхушке дерева, словно дозорный, стоял аист. Его надежно свитое гнездо величиной с большую корзину прочно лежало между ветвями. Аист громко трещал клювом, и этот костяной треск рассыпался далеко вокруг. Из гнезда-корзины крупными грибочками выглядывали аистята. Они с любопытством таращились на нас. Вернее, на Бегемота, на это непонятное и неизвестное в их краях существо. А Бегемот, похожий сейчас на неимоверной величины фасолину, спокойно шагал по зарослям дикого лугового горошка. И стручки трещали и лопались под его пятками.

Как только аистята поняли, что существо это никаким боком не напоминает аиста, они всполошились и захлопали своими куцыми крылышками. Тогда папа-аист полетел на разведку. Он снялся с гнезда и низко поплыл над нами, лениво помахивая парусами-крыльями. И ветер гудел в этих медленных парусах. Аист уводил нас в сторону от

гнезда. Может быть, он боялся за своих аистят?

— Послушайте, аист! — крикнул я. — Мы не разорители гнезд! Мы ищем Лисий хутор! Там, слышали, растет Поющее дерево!

И аист в ответ, показалось, повернул клюв в сторону, словно магнитную стрелку компаса, и мягко взмахнул одним крылом. Вся эта птичья громада легко изменила направление.

«Аисты живут рядом с человеком, с домом, — сообразил я. — Он нас приведет на хутор. И, может быть, это окажется именно Лисий хутор?»

Наверное, человечек Соломенные ножки подумал о том же самом. Он спрыгнул со спины Бегемота и крикнул:

— Бежим-за-ним!

Я поспешил следом. Бегемот остался один. Я пробежал всего несколько шагов и спохватился, вспомнив о Бегемоте. Когда я оглянулся, исчезающий беспризорный Бегемот уже стал рас-

плываться, как легкий утренний туман.

— Не исчезай! — попросил я Бегемота.

Он тут же сгустился, стал из утреннего плотным, вечерним туманом, а потом снова превратился в дорогого моего Бегемота. Как дирижабль, почти не касаясь земли, он понесся за нами. Никогда не думал, что бегемоты такие ловкие и быстрые.

Из-за перелеска вынырнули две красные черепичные крыши.

На одной из крыш мы неожиданно увидели Ивана Ивановича. Он полз по крутому скату, ощупывая каждую черепицу. Аист пронесся низко-низко над ним, чуть не сбив крылом черную шляпу, и скрылся где-то в ивовых зарослях у реки. Вероятно, отправился ловить угощение для аистят.

— Иван Иванович! — крикнул я. — Здравствуйте! Как вы туда попали и что вы там делаете?

— Я проснулся в саду Иван-да-Марьи, а вас не обнаружил! — прокричал с крыши Иван Иванович.

«Как же, — успел подумать я, — попробуй обнаружь, если мы во сне перелетели неизвестно куда, на какие-то Каламбургские острова!»

— Мало того, — продолжал Иван Иваныч, — я не обнаружил в моем левом кармане моей Мыши. А я к ней так привык, почти сроднился. Вот и пошел по следу ее хвоста. Он же волочится по земле и оставляет еле заметную, но хорошо заметную для пристального глаза бороздку.

Я удивился, что он ищет Мышь на крыше, но оказалось, что в подполе и в ямках под корнями он уже искал.

«Вот чудак», — подумал я и тут же устыдился этой своей глупой мысли.

Из соседнего дома, который похож был скорее на старую кузницу, вышла девочка. На ее треугольном личике сияла улыбка.

— Здравствуйте! — сказала она. А где человек Соломенные ножки?

— Это я ей о нем рассказал! — крикнул с крыши Иван Иваныч.

— Я-сам-о-себе-могу-рассказать! —

возмутился человек Соломенные ножки и выскочил вперед. — Покажи-поющее-дерево! — потребовал он, обращаясь к девочке.

Мне стало неловко за его настойчивость. Хотя бы поздоровался сначала. Но девочка, казалось, этого не заметила. Она присела на корточки. И улыбнулась. И всем стало сразу хорошо и спокойно. И она сказала:

— Здравствуйте, человек Соломенные ножки! У нас есть одно необыкновенное дерево. Ему тысяча лет. Только я не знаю, поющее ли это дерево. Оно не поет. Оно гудит. На ветру. Как колокол. Мне про него мама рассказывала. А ей — ее мама. А ее маме — бабушка. Пойдемте!

И мы пошли за ней. Иван Иваныч по приставной лестнице сполз с крыши и догнал нас. Он, правда, был немного грустен. Мышь так пока и не нашлась. Зато Кузнечик вот он, сидит на ранте правого кармана. И тихонько пиликает своими стрекочущими ножками.

Мы снова оказались на том лугу, который только что миновали. У того самого сказочного дерева с аистиным гнездом.

Иван Иваныч обошел дерево вокруг, часто нагибаясь и поднимая что-то с земли. Он долго обходил необъятный ствол дерева, будто вокруг большого дома ходил. Но, наконец, подошел к нам. И протянул две полные горсти. И мы увидели на его ладонях тяжелый бронзовый желудь, нежную ольховую сережку, шершавую сосновую шишку, клоунский носик клена, похожий одновременно на стрекозиное крылышко, зонтик рябиновых ягод, зеленое яблочко-дичок и сросток лесных орехов в травянистых оборочках.

— Я ботаник, — сказал Иван Иваныч. — Я изучил все деревья на свете. Вот Бегемот может подтвердить: мы с ним говорили о самых тропических деревьях, и я знаю о них всё.

Бегемот два раза кивнул своей лобастой головой. Иван Иваныч продолжал:

— Я видел даже земляничное дерево. Но такого, на котором одновремен-

но росли бы желуди, сережки, шишки, носики, рябина, яблоки и орехи, не видел никогда. Ни-ког-да! Да!

А человечек Соломенные ножки тюкал своим тонким соломенным пальчиком по витому древесному стволу. Но ни звука не мог извлечь из него. Дерево молчало.

— Не удивляйтесь, Иван Иванович! Не расстраивайтесь, человечек Соломенные ножки, — сказала девочка по имени Лисичка. — Я вам расскажу историю, которую мне поведала мама, а ей — ее мама, а ее маме — бабушка. И вы сразу все поймете. Слушайте.

Мы уселись на траву под деревом, в тени его, просторной, как городская площадь. И приготовились слушать. Даже аистята высунулись из гнезда и, раскрыв клювики, молча наблю-

дали за нами. Тоже слушали. Вот что мы слышали. Давным-давно, в незапамятные времена, эта маленькая страна, от которой сегодня осталось лишь несколько хуторов с красными

крышами, один рыбацкий поселок и один старинный город с башнями и флюгерами на них, была сильной и могучей. Жители ее ловили рыбу, ковали железо, делали сыр и сбивали масло, рассказывали сказки и строили быстрые морские корабли-парусники. Но вокруг северного моря, у берегов которого раскинулась эта страна, жили еще шесть народов. И каждый был сильным, гордым и независимым. Однажды эти народы

поссорились между собой. И началась война.

Люди уже не ловили рыбу, не делали сыр. А из железа ковали мечи и лили пушки. И корабли-парусники сгорали и тонули в море, уничтожая друг друга. Долго шла война, все земли вокруг северного моря были разорены, а люди устали от крови и голода. И тогда собрались короли всех стран. Семь королей с тяжелыми посохами. Они сидели как раз на этом лугу. Все было так же, как сейчас. Разбегались вдаль перелески. Низко плыли над лугом облака. Ходили в траве ежики. Только дерева этого не было.

Собрались вместе короли семи стран, стали в круг и воткнули свои посохи в зем-

лю. И сказал король Анн Второй как самый старший:

— Мы воткнули свои посохи в эту добрую землю в знак мира. Если зацветут они, то никогда наша земля не будет покорена. И покуда не засохнет цветущее семиствольное дерево, не умрет дух свободы в наших народах!

И были эти посохи сделаны из разных деревьев. Из дуба. Из ольхи. Из сосны. Из клена. Из рябины. Из яб-

лони. Из ореха. Перевились они и зацвели. И выросло семиствольное дерево Свободы. Тысяча лет прошла с тех пор, а дерево каждый год зацветает и дает

плоды. И гудит на ветру, как колокол. А ветры дуют в этих краях всегда. Зимой. И весной. И летом. И осенью.

Морские северные ветры.

Человечек Соломенные ножки подошел к Ивану Иванычу, подставил к его ладоням заплечную торбочку и молча смахнул в нее желудь, ольховую сережку, сосновую шишку, кленовый носик, рябиновую гроздь, ябло-ко-дичок, ореховую тройчатку.

— Я обязательно напишу про это дерево, удивительное дерево большую ботаническую книгу, — сказал Иван Иваныч.

глава пятнадцатая,

в которой над головой
висят звезды
и которая называется

«ВОЛШЕБНОЕ
УХО»

Что такое хутор? Это, во-первых, длинный-длинный дом, где и живут, и сено складывают, и корову держат. Для всего здесь хватает места. И непременно рядом с этим домом еще один дом — мастерская. Если хозяин — плотник, то здесь и верстак, и рубанок, и старые грабли, ждущие починки, и черенки для лопат, и доски. Если кузнец, то в мастерской молот и молотки-стукоталки, и горящий горн, и гирлянды подков. А еще есть на хуторе колодец с высокой жердью-журавлем. Вместо клюва у него веревка с ведром. Есть и огород. И ступенчатый спуск к реке. И непременно сад, где яблони щедро усыпаны яблоками, а кусты смородины закутаны в старые рыбацьи сети, чтобы птицы не поклевали ягод. И уж непременно есть большой старый камень, на котором удобно посидеть и помечтать вечером. Поговорить по душам.

На таком гладком камне под названием Бараний лоб и сидели мы с Лисичкой. Крупные рябиновые звезды нависали над нами. Сразу и не догадаешься, где они растут — на дереве или на небе. Девочка по имени Лисичка сидела тихо-тихо. И не улыбалась. Но все равно рядом с ней было хорошо и спокойно. В темном вечернем саду глухо бумкали о землю спелые яблоки. Иногда вскрикивала охрипшая за день птица. Или у нее голос такой скрипучий? В траве, под нашими ногами, стрекотали кузнечики. Их было, наверное, много. А, может быть, это был один-единственный? Тот, из кармана Ивана Иваныча? И только эхо множило его песенку?

Эхо действительно летало над нами. То оно ухало вслед за упавшим яблоком. То скрипело, подражая неизвестной хриплой птице. То приносило речной всплеск. И мое ухо ловило это летающее эхо. А я пытался отгадать, где настоящий звук, а где его отражение — эхо.

Лисичка вдруг сказала, будто подслушала мои мысли:

— Правда, странно, что ЭХО и УХО почти одинаковые слова? Будто бы ЭХО и есть большое УХО, ловящее все звуки на свете. Только это волшебное ухо: оно возвращает нам то, что услышало. Откликается. Человечек Соломенные ножки ищет Поющее дерево. А я, только не смейтесь, хотела бы найти Волшебное ухо...

Вот это да! Вот странное дело: ухо — и вдруг волшебное! Ну никак не вяжется ухо с волшебством. Так я подумал, но не сказал, чтобы не обидеть хорошую девочку по имени Лисичка. Я молчал, а Лисичка продолжала:

— Есть еще одно волшебное слово — АУ! Всего две буквы, а стоит крикнуть — АУ! — и обязательно тебя услышат и придут.

Кто-нибудь да услышит. Хотя бы эхо. И, знаете, эхо бывает разное. Я их почти все знаю. Ведь здесь, на хуторе, часто приходится разговаривать только с эхом.

И девочка Лисичка рассказала мне сказку. А может быть, это вовсе и не сказка. Но запомнил я ее почти слово в слово.

Жила на свете девочка. Когда она была совсем маленькой, то часто кричала: УА! УА! И к ней тут же кто-нибудь подбегал. Мама. Папа. Бабушка. Или дедушка. Все старались ей помочь, развеселить, обрадовать. И девочке было хорошо. Тогда она начинала от радости лопотать: АГУ! АГУ! Все улыбались и радовались вместе с ней.

Но прошло время. Девочка научилась говорить много разных слов. Они были не такими простыми, как «УА» или «АГУ». Теперь стало намного трудней объяснить, чего ты хочешь. Потому что ни одно взрослое слово, и даже десять слов, и даже сто не могут выразить того, что с тобой происходит. Мама, папа, бабушка и дедушка часто не совсем понимали, чего хочет девочка. И от этого сердились на нее. И девочка постепенно привыкла к этому непониманию. И всё пыталась вспомнить то свое младенческое слово, которое все понимали. И не могла.

Как-то раз она пошла в лес и немного заблудилась. Ей стало страшно и одиноко. Она хотела позвать кого-нибудь на помощь. Маму. Папу. Бабуш-

ку. Или дедушку. Закричала громко-громко. И само собой произнеслось у нее то младенческое слово. Только произнеслось оно наоборот: АУ! И тут же к ней прибежали все. Испуганная мама. Обрадованный папа. Запыхавшаяся бабушка. И побряхтывающий дедушка.

Прошло еще время. Девочка опять подросла. Теперь ей уже мало было мамы, папы, бабушки и дедушки. Она хотела найти друзей. Или хотя бы одного настоящего друга. Вспомнила девочка свое лесное «АУ». Вышла на луг и крикнула: АУ-У! Долетело ее АУ до каменного дома. Ударилось о глухую стену. И эхо принесло обратно Каменное АУ. Еще раз крикнула девочка. Полетело АУ и ударилось о деревянный забор. Принесло обратно эхо Деревянное АУ. И еще раз крикнула девочка. Далеко улетело ее АУ и ударилось в наглухо закрытое окно. Вернулось к ней Стеклоанное АУ. Много еще разных АУ прилетало к девочке на крыльях эха. Но не было среди них ни одного живого. Только эхо, эхо, эхо. Когда же вместо эха появится Друг? И какой он будет? Наверное, у него должно быть Волшебное ухо. Такое, кото-

рое уловит среди всех голосов, смеха, криков, шепота, грохота слабый, отдаленный призыв. Девочкино АУ.

Я слушал эту сказку и думал, как же мне помочь Лисичке? И тут я вспомнил про своего друга Бегемота. Он тотчас же возник в сумерках серым тяжелым силуэтом и чем-то был похож на тот гладкий громадный камень, на котором мы сидели.

— Я не могу подарить тебе Друга, — сказал я, — друзей не дарят. Но познакомься с Бегемотом. Я думаю, что у него оба уха волшебные. Он всегда слышит того, кому нужен. Пускай он станет нашим общим Другом. Ладно?

Девочка Лисичка улыбнулась, и от этого сразу стало хорошо и спокойно. А Бегемот согласно кивнул головой, похожей на башню старинного города той страны. Башня, между прочим, почему-то звалась Толстой Маргаритой.

глава шестнадцатая,

в которой мы все бросаемся
на поиски
и которая называется

«СНЕЖНЫЙ ВЕТЕР»

Иван Иванович был так растерян, что забыл нацепить очки. Его круглое лицо казалось от этого еще круглее и добрее.

— Что случилось, Иван Иванович? — беспокоился я.

— Кузнечик! — прошептал Иван Иванович. — Он отправился на поиски мыши и все еще не вернулся. Боюсь, что он тоже пропал. Здесь, на Лисьем хуторе, очень густые травы. Уважаемый Бегемот, умоляю вас, не ходите по траве!

— Хотя я и похож на пыхтящий паровой каток, но еще никого не раздавил, — обиженно пробурчал Бегемот. — Я хожу по тропинкам.

— И как их зовут? — спросила Лисичка.

— Кого? — не понял Иван Иванович.

— Вашу мышку и вашего кузнечика. Мы бы им покричали. Позвали. Поаукали.

Иван Иваныч развел руками.

— Мы не успели как следует познакомиться. Да-да, я знаю, всегда не хватает времени именно на тех, кто рядом с тобой. Но я к ним так привык.

— Мы-их-найдем! — крикнул человечек Соломенные ножки и нырнул в траву.

Высокие травяные метелки закачались над ним, осыпая мелкие семена.

Прошла минута, и другая, и третья. Мы ждали. И вдруг налетел ветер. Низкий. Колючий. Он словно скосил травяные метелки, взметнул в воздух мелкую крупу семян. И тут же поднялся выше. В небо. Там он смел вместе все облака и превратил их в тучу. Стало темно.

— Человечек Соломенные ножки! — крикнула Лисичка. — Его унесет ветром!

И она бросилась в гущу примятой, погнутой, поломанной травы. Я устремился за ней.

— Осторожней, друзья! — крикнул нам вслед Иван Иванович, придерживая на голове шляпу.

— Не волнуйтесь, — простодушно сказал Бегемот, — я же не двинулся с места.

Но Иван Иванович все равно волновался, как бы мы не наступили на Мышь, на Кузнечика, на человечка Соломенные ножки. Он растерянно раскрыл свой просторный черный зонт. И вовремя. Из туч повалил снег! Это было неожиданно. Но такой уж он

коварный, северный морской ветер. Черный зонт Ивана Ивановича моментально стал белым, как гигантский одуванчик. А ветер из невидимки превратился в белое спиральное облако. Тающий на ресницах снег застилал мне глаза, и я ослепленно шарил руками в холодной и мокрой траве. Ну что я мог найти? Кого увидеть? И тут Лисичка крикнула: «АУ!» А в ответ ей раздался тоненький писк, и трескучее пиликанье, и звонкое: «Э-ГЕ-ГЕЙ!» Я протер заснеженные глаза и увидел странное и забавное зрелище. Осыпая с травяных стеблей снежные хлопья, бежала Мышь. За ее длинный хвост уцепился человечек Соломенные ножки и скользил, как на лыжах, на двух остроносых травинках. А на его скрипке сидел Кузнечик и скрипуче пиликал своими зазубренными ножками.

В мгновение ока они оказались перед нами. Кузнечик перелетел со скрипки в правый карман Ивана Ивановича. Человечек Соломенные ножки отпустил мышиный хвост, и Мышь

ловко вскарабкалась к левому карману Ивана Ивановича. А сам человечек Со-ломенные ножки, деловито стряхивая с себя снежинки, молча залез на спину Бегемота.

Иван Иванович широко заулыбался. А Мышь, высунув из его кармана усатую мордочку, проворчала:

— Ну вот, звали-звали, а ничем не угощают!

Хотя при этом грызла большую сыр-ную корку.

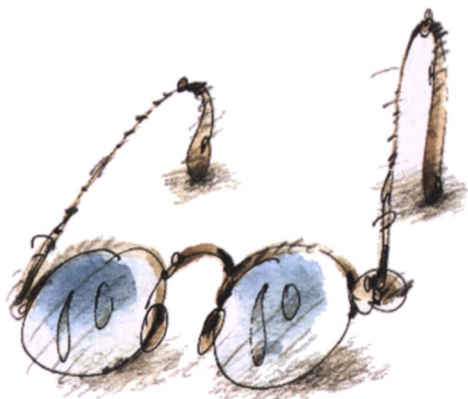
Зато Кузнечик, кажется, был очень доволен.

— Здесь и перезимуем! — донесся из правого кармана его слабый скрипучий голосок.

Бегемот переступал с ноги на ногу, осторожно шагая по непривычному для него снегу. И я испугался, что он простудится. Что же делать? Нужно отправляться в дорогу. К югу, туда, где бегемоты не простужаются. Но Лисичка... Мне так не хотелось с ней расставаться. И я сказал:

— Дорогая Лисичка! Не знаю, волшебное ли у меня ухо. Но я умею, если нужно, становиться чем угодно. Например, телеграфным столбом. Он чуткий, слышит все голоса и гудит им в ответ. Смело посылай свое «АУ». Лучше всего по проводам. Телеграммой. Но я постараюсь услышать и без телеграммы.

Лисичка улыбнулась. И сразу стало хорошо и спокойно.

глава семнадцатая,

которая намного короче
нашей дороги
и которая называется

«ПЛОД
НЕВЕДОМОГО
ДЕРЕВА»

Снег быстро растаял. Зря он поспешил покинуть свою тучу. Бегемот топал по расквашенной дороге. Мокрый зонтик Ивана Иваныча колыбался над нами, как балдахин. Человечек Соломенные ножки, напевая себе под нос песенку, перебирал свои чурочки, веточки, травинки, желуди и кленовые носики. Что-то выстукивал крохотным ножиком, что-то прилаживал и то и дело прикладывал к уху.

Из левого кармана Ивана Иваныча несло похрупывание, причмокивание. А в правом кармане затих Кузнечик, наверное, устраивался на долгую зимовку.

Мне было немного грустно. Это случается со мной, когда растает первый непрочный снежок. Но еще оттого, что дорога, влекущая меня в новые инте-

ресные места, непременно разлучает с хорошими людьми. Иногда надолго. А бывает, и навсегда.

От этих грустных мыслей меня оторвали звуки шагов многих ног. Я вгляделся вдаль. Из-за деревьев слышались голоса и появились... Кто бы выдумали? Братья Сидоры!

Нет, все-таки дорога — замечательная штука! Она не только разлучает, но и дарит радостные встречи.

Они тоже увидели нас и громко крикнули: «УРА!». Вот еще одно удивительное слово. Всего одну букву вставить в младенческое «УА», а сколько прибавляется радости для всех — и самых маленьких, и самых больших.

Но так громко крикнули братья свое «УРА!», что Мышь в левом кармане Ивана Ивановича замерла, а Кузнечик, наоборот, зашевелился в правом кармане и недовольно заскрипел.

Через несколько минут мы уже сидели на пеньках, а на расстеленной перед нами клеенке лежали хлеб, яб-

локи, сыр и стояла пузатая бутылка розового морса. Братья Сидоры наперебой рассказывали о своих приключениях.

— Набрались мы ума-разума! — смеялся Сидор Веселый.

— Есть чему удивиться и порадоваться, — хмыкал Сидор Умный.

— И силушки прибавилось, — говорил, показывая кулак, Сидор Добрый.

— Счастья и горя повидали, оттого и добрее стали, — качал головой Сидор Сильный.

— И что же, домой теперь? — спросил Иван Иванович.

— Домой! Домой! — загудели братья Сидоры. — А вы-то в наших краях так и не побывали?

— Нет, — ответил я, — что-то не хотелось.

— Ну, ничего, — сказал Сидор Умный, — скоро и у нас все переменится. Мы тут в одном городе гостевали.

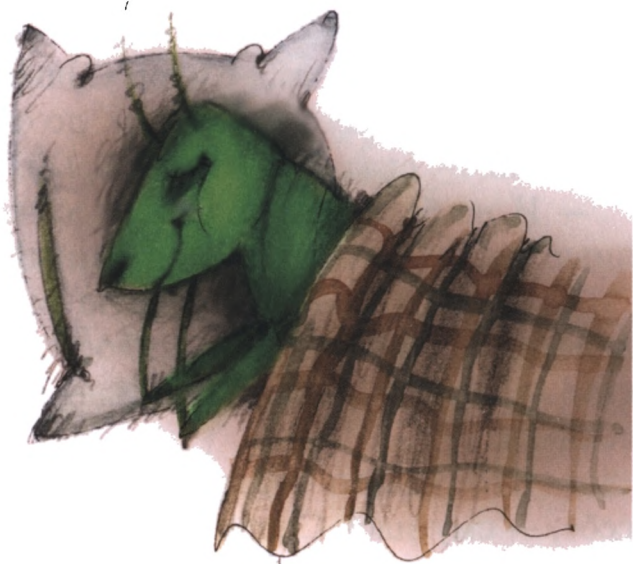
— Там-то ума-разума и набрались, силой укрепились, — сказал Сидор Веселый.

Мне стало интересно послушать про этот город.

И рассказали братья Сидоры, что там тоже было невесело. Люди сонные ходили, как осенние мухи. Ничего не желали, ничего не любили. Разве что спать-дремать. Всё они проспали. И работу. И счастье. Всё это лишь во сне видели. Им даже продавали сны с едой и одеждой. Да во сне другого и не надо, как сон поинтересней поглядеть. Злодеев там, вроде бы, и не было, как в родном городе братьев Сидоров. Зато уж и хорошего мало встречалось.

Одна была примета у города — красивый Фарфоровый колокол. Да разве это колокол? Одно название. Не гудит. Не зовет. Лишь слабо позвякивает.

Но вот случилось так, что разбился Фарфоровый колокол, а вместо него

появился колокол настоящий. Медный. Громогласный. И сразу всё в городе переменилось. Будит теперь колокол народ. Каждый в него может бухнуть. Тот радостью поделится, с другими ее разделит. Этот на помощь позовет.

Длинную историю рассказали нам братья Сидоры. Я потом ее записал. Целая книжка получилась. «Фарфоровый колокол» называется.

— Вот так! — сказал Сидор Веселый. — Спешим мы теперь домой.

— Соберем всех, всем миром колокол отольем, — сказал Сидор Сильный.

— Добрые вести должны до всех долетать, — сказал Сидор Добрый.

— И на беду всем вместе надо наваливаться, — добавил Сидор Умный.

— Сладим колокол, новую жизнь наладим. Тогда и в гости милости просим! — сказал Сидор Веселый. — Повеселимся!

— Что же это мы все о себе да о себе, — смутился Сидор Умный. — Как вы-то? Нашли Поющее дерево?

Не успел я ответить, что, мол, пока не встретили, как полилась откуда-то тихая музыка. Будто проснулся и запел пустой осенний лес, зазвучали в нем голоса птиц, и зверей, и трав. И еще вплеталась в эту музыку далекая, забытая мелодия песенки, которую пела мне еще моя бабушка. И текли в ней нежные колокольные звоны, прерываемые иногда гулками и даже тревожными ударами.

Какие разные звуки! И как легко и просто уживались они в одной нескончаемой мелодии! Что это?

Мы стали оглядываться, искать волшебного музыканта и увидели человечка Соломенные ножки. Он стоял на широкой и круглой, как цирковая ар-

на, спине Бегемота. В руках у него была скрипка. Но не та, маленькая и слабая, нарисованная когда-то моей неумелой рукой. А новая. Сверкающая. С тонкой веточкой-грифом. Похожая на какой-то неведомый плод. Может быть, на плод Поющего дерева?

глава восемнадцатая,

которую на самом деле
можно назвать первой
и которая называется

«СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛЕСИКИ»

Откуда? Откуда появилась эта небывалая скрипка? И как в ней могла уместиться такая музыка? Человечек Соломенные ножки молчал. Зато говорила его скрипка. Та, которую он смастерил в дороге из тех самых чурбачков, дощечек, травинок и ольховых сережек. И звучали в ней голоса природы, рожденные травинкой из сада Иван-да-Марьи. И вплетались песни наших дедов от тонкой пластины, подаренной Янтарным Мастером. И гудели колокола мира и радости — отклик тысячелетнего Дерева свободы. И смешливые нотки Каламбургского дерева приплясывали в ней. Все это вместе сливалось в одну мелодию, словно бы созданную необыкновенным и легким даром Яблоневого мальчика.

Я и не заметил, как мы очутились на моей такой привычной вечерней улице.

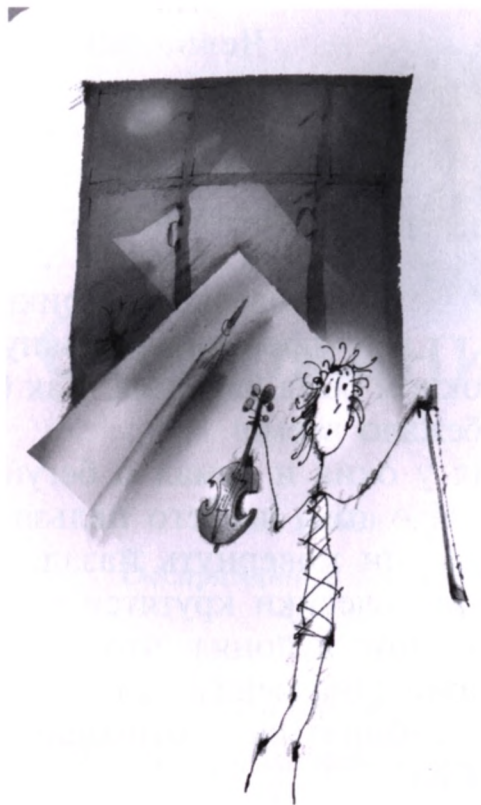
Над нами висело отражение комнаты. Ах, я рассеянный! Забыл погасить свет!

Иван Иванович сложил свой зонтик. В черном пальто и черной шляпе он сразу растворился в темноте. Я не стал его окликать. Он, вероятно, пошел проверять школьные тетрадки. Ведь завтра у него обычный урок ботаники. Только как он появится в школе с Мышью в левом кармане и с Кузнечиком в правом? Чудак!

А Бегемот исчез. Ну, конечно, я совершенно забыл про него, заслушавшись музыкой. А может, его позвала Лисичка? Ну что ж, пусть он передаст ей мой привет. А она в ответ улыбнется. Тут мне стало хорошо и спокойно. Наверное, Лисичка в этот момент улыбнулась. Я просто уверен в этом.

— Сюда-скорей-сюда! — услышал я тонкий голосок. Человечек Соломенные ножки плясал в невесомом отражении моего окна. И призывно помахивал мерцающей в отраженном свете скрипкой.

Я очутился в моей комнате. Глянул в окно, в отражение. Человечек Соло-

менные ножки исчез! Как? Неужели навсегда? И тут мой взгляд упал на лист бумаги с началом сказки. Только не этой, а совсем другой. На листе был нарисован моей неумелой рукой крохотный человечек. На тонких соломенных ножках.

Человечек Соло-
менные ножки.

Форточка хлопнула. Я испугался, что сквозняк унесет этот мой листок с человечком. Прикрыл форточку и глянул в окно. За окном была уже зима. Как быстро пробежало время!

Я стоял у окна и думал о бегущем времени. И о том, что его нельзя ни остановить, ни повернуть назад. Его серебряные колесики крутятся и крутятся... И вдруг я понял, что это уже другая сказка. Она меня зовет и манит. Придется собираться и отправляться следом за ней.

Содержание

Глава первая

Беспризорный Бегемот

5

Глава вторая

Человечек Соломенные ножки

13

Глава третья

Мышь и кузнечик

21

Глава четвертая

Отражения

27

157

Глава пятая
Четыре брата Сидора
33

Глава шестая
Застенчивый злодей
41

Глава седьмая
Бом! Ди-линь! Плямс!
49

Глава восьмая
Яблоне́вый мальчик
57

Глава девятая
Огород поющих трав
65

Глава десятая
Сон-трава
69

Глава одиннадцатая
Каламбургские острова
81

Глава двенадцатая
Подземельный замок
91

Глава тринадцатая
Янтарный суп
101

Глава четырнадцатая
Семиствольное дерево
111

Глава пятнадцатая
Волшебное ухо
125

Глава шестнадцатая
Снежный ветер
133

Глава семнадцатая
Плод неведомого дерева
141

Глава восемнадцатая
Серебряные колесики
151

Леонид Яхнин
ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО
Сказка

Редактор серии

Е. Марголис

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

<http://www.nlo.magazine.ru>

Подписано в печать 12.08.03.

Формат издания 84×108 1/32.

Бумага для ВХИ. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,4. Тираж 5000 экз. Заказ № 551.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

